

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Предисловие А. А. Костиковой.	8
Исповедальная аналитика как философский жанр	8
Вступительные пояснения автора.	12
Предисловие автора	13
Часть 1. Как я пришёл к каузальному дуализму.	21
Введение к первой статье	22
Статья 1. Онтологический статус сознания: преодоление антитезы аналитической философии и феноменологии.	23
Введение ко второй статье	48
Статья 2. Историческая онтология сознания. Проблема соотношения формы и содержания на примере некоторых положений концепций Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского	50
Введение к третьей статье	68
Статья 3. Проблема определения понятия «субъективная реальность» в современном контексте: диалектика человеческой реальности, случайности и необходимости.	70
Введение к четвертой статье	89
Статья 4. Сознание в предельно универсализированной модели вероятностной вселенной без сил природы: каузальные и информационные связи-измерения	91
Введение к пятой статье.	117
Статья 5. Каузальная топология и нематериальные причины	118

Часть 2. Каузальный дуализм	145
Глава 1. Предварительная рефлексия	146
Феноменология возможного	150
Феноменология вероятного	154
Феноменология чувствительности и причинения	156
Онтология возможного как основа каузального дуализма	159
Еще немного о возможности	161
О некоторых возможных возражениях	162
Истоки каузального дуализма	165
Номинализм и реализм	169
Глава 2. Нейтральный дуализм.	171
Введение к шестой статье	172
Статья 6. Случайность и дуализм. Каузальный дуализм и плюрализм	173
Глава 3. О свободе воли и о методе	191
О свободе воли	191
Введение к седьмой статье	196
Статья 7. Метод достраивания реальности и каузальный дуализм: молитва как метод	197
Эволюция каузальной онтологии наблюдателя. Будущие исследования	217
Заключение	223

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен очень многим людям, с кем мне посчастливилось беседовать на самые разные философские темы. Наверное, нет ничего приятнее для ума и полезнее для нервной системы, чем философская беседа о смысле бытия, необъятности Вселенной и тому подобным бесконечно далёких от сиюминутной жизни вещей.

Я искренне признателен профессору философского факультета МГУ Владимиру Ивановичу Метлову за терпение и многие часы споров, дискуссий и милого общения. Я полюбил философию в шестнадцать лет, но до встречи с профессором Метловым в тридцать пять моя рефлексия была всего лишь личным интеллектуальным развлечением. Благодаря Владимиру Ивановичу открылся новый мир, в котором оказалось, что это труд и ответственность, связанные с другими людьми, а не только «ментальное самоудовлетворение».

Также я крайне благодарен, к несчастью, ныне уже покойному декану философского факультета МГУ Владимиру Васильевичу Миронову за его добрые напутствия и возможность заниматься философией в стенах старейшего факультета главного российского вуза. Владимир Васильевич создал на факультете невероятную атмосферу «любви к мудрости», поддерживал все благие начинания и самые разнообразные направления исследований и никогда не навязывал свою точку зрения. С большой ностальгией я вспоминаю то время, когда познакомился с Мироновым и погрузился в заботы и радости жизни его факультета.

Хотелось бы сказать большое спасибо всему философскому факультету МГУ, его студентам и сотрудникам и особенно заведующей кафедрой языка и коммуникаций Анне Анатольевне Костиковой, открывшей мне дорогу на факультет, всегда поддерживавшей словом и делом и дававшей самые мудрые советы и ценные рекомендации. Курируя международные связи факультета, Анна Анатольевна организовала десятки ярких

выступлений международных звёзд философии в стенах МГУ. Среди них были и те, кого ваш покорный слуга с удовольствием цитирует в этой книге.

Также хотелось бы поблагодарить заведующего кафедрой истории зарубежной философии Вадима Валерьевича Васильева, вдохновляющего многих молодых учёных своей верой в кабинетную философию и безграничную силу человеческого разума. Его собственные исследования и переводы в области философии сознания бесценны для всех, кто интересуется этой проблематикой в нашей стране.

И конечно, я не могу не выразить благодарности и своего восхищения в адрес профессора Института философии РАН Давида Израилевича Дубровского, беседа с которым была поистине бесценной. Дубровский без преувеличения стал легендой российской философии, и, разговаривая с ним, я словно прикоснулся к самому времени и дискутировал с Аристотелем, Марксом, Выготским... Это было невероятное чувство, которое я постараюсь сохранить на всю жизнь.

Последнему в списке, но не по значимости, я хотел бы сказать спасибо своему дорогому другу и самому старому собеседнику Даниле Владимировичу Исакову, который всегда выступал и продолжает выступать строгим критиком, но и тонким ценителем всех моих философских концепций. Наша первая философская, а точнее теологическая, беседа состоялась, когда мы были ещё наивными отроками, лелеявшими много честолюбивых надежд. Нам казалось, что истина вот-вот откроется, ведь мы ещё не знали, что она как морковка будет вечно маячить перед самым «ослиным носом» наших философских чаяний. Однако с тех пор нас связывают причастность к чему-то большому и желание обсудить тайны мироздания и человеческой души.

Есть очень много людей, кого я не упомянул, но кому благодарен за бесценное время, интересные беседы, помощь и поддержку в поисках истины. Спасибо вам!

ПРЕДИСЛОВИЕ А. А. КОСТИКОВОЙ

Исповедальная аналитика как философский жанр

Перед нами во многих смыслах замечательная книга Алексея Владимировича Сафронова: она посвящена пониманию сознания, реальности, субъектности, свободы и причинности, она вдохновлена желанием объяснить эти темы себе и другим и, самое трогательное, надеждой быть в будущем понятым своей подрастающей дочерью.

Построение книги предполагает соединение апробированного материала — уже изданных в ведущих журналах статей автора — и актуальных пояснений, объединяющих академические исследования отдельных аспектов современной философии с поиском собственной целостной философской позиции. Эта книга написана искренне, со всей любовью к философии и философам.

Интеллектуальная исповедь как философский жанр, исторически отсылающий прежде всего к «Исповеди» Аврелия Августина, своеобразно представлена в современной философии, ассоциируясь скорее с экзистенциальными установками, чем с научно-методологической рефлексией. Однако Алексей Владимирович Сафронов использует такое представление «опыта от первого лица» для детального уточнения ключевых онтологических проблем. Таким образом, перед нами — живая философская работа над колоссальным историко-философским наследием и новейшими публикациями прежде всего в области философии сознания, интерес к которой и привёл в свое время автора на философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Как написал в своём предисловии к книге безвременно ушедшего из жизни декана философского факультета В. В. Миронова «Метафизика не умирает» наш ректор, академик В. А. Садовничий, «по самой своей природе философия призывает нас в университетскую аудиторию для того, чтобы спорить и вести дискуссии, сражаться за истину с помощью хорошо отточенных аргументов...»¹. В этом плане Алексей Владимирович Сафронов использует весь аргументационный арсенал — историческая реконструкция логики развития философских позиций, данные естественных наук, конструирование и анализ мысленных экспериментов, включение культурно-психологического контекста и субъективных коннотаций, тем более что нарративизация характеризует как мысленные эксперименты, так и личные ассоциативные образные впечатления.

Конечно, трудно обозначить и прокомментировать все сюжеты книги, однако хотелось бы выделить некоторые, наиболее интересные, на мой взгляд. Прежде всего это обращение автора к советской философии сознания и к знаменитой дискуссии Д. И. Дубровского и Э. В. Ильенкова, которая, к сожалению, исчезает даже из общих курсов отечественных философских факультетов или упоминается как политизированный мем, искажая абсолютно мирового уровня и характера содержание теоретических позиций диспутантов. В 2019 году магистр кафедры философии языка и коммуникации Людмила Марунич по нашему предложению взялась за реконструкцию этой дискуссии, что оказалось сложной задачей для сегодняшнего студента, хотя присутствовавший на защите магистерской диссертации Д. И. Дубровский положительно оценил результаты

¹ Садовничий В. А. Размышления о книге «Метафизика не умирает» // Миронов В. В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М.: РГ-Пресс, 2020. 488 с.

проведённой работы — мы надеемся опубликовать материалы этого обсуждения.

Другим принципиально важным, на мой взгляд², историко-философским сюжетом является осмысление и преодоление антитезы аналитического и континентального, под которым понимается прежде всего феноменологическое, в книге именно эта статья первая. В ней есть целый ряд сильных констатаций, с которыми многие поспорили бы, например синтез рационализма и эмпиризма трансцендентальной философией И. Канта, однако в центре внимания автора актуальный пересмотр субъект-объектной дихотомии (с уточнением — опыт «от первого лица» и «от третьего лица») современными философами сознания, специфичное её «снятие» концептом «информационности» (например, Д. Чалмерс или Д. И. Дубровский), разбор на предложенном основании и концепции сознания В. В. Васильева, и Дж. Сёрля, и Д. Деннета. «Информационные связи-измерения» станут предметом анализа в четвёртой статье. Как пишет автор, «...утверждать, что пространство и информация это одно и то же... просто рассматривается в разных аспектах, довольно рискованно [...] эта идея натолкнула меня на понятие неопределённости как среды и на возможность каузального дуализма»³. А к теме «субъективной реальности» обращена третья статья, которая, на мой взгляд, абсолютно закономерно затрагивает интерес к философии творчества и по идее требует своего развития и реактуализации именно в этом направлении. Для меня особо интересной оказалась пятая статья, посвящённая каузальной топологии и нематериальным причинам, включающая автора в заочное обсуждение

² Костикова А. А. Современная философия: новый подход к исследованию, преподаванию, развитию (обзор опыта исследований аналитической философии сознания) в журнале Вестник Московского университета. Серия 7: Философия, Изд-во Моск. ун-та // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2016. Т. 1. С. 77–85.

³ Сафронов А. В. Наст. издание. С. 46.

вопроса Д. Чалмерса об «освещённости» протекания процессов сознания. Личный интерес к топологиям субъектности, предложенным Ж. Лаканом, к полемике о топологических метафорах в философии был реактуализирован приведёнными в статье данными нейронаук и интерпретациями аналитической философии.

История работы философской мысли представлена в книге как личная, и это создаёт иллюзию простоты и доступности, удивительно притягивает и вдохновляет читателя. Но за этой ясностью и искренностью изложения хода рассуждений автора в комментариях к академическим статьям обнаруживается аргументированный и отчётливо читаемый проект целостной философской позиции. Каузальный дуализм обосновывается как логичное развитие «антиприватных» тенденций современной философии с конца XIX века, на первый взгляд, парадоксальным образом включая сюда и объединяя марксизм и идеи Л. Витгенштейна. Разумеется, ещё будут споры по существу, но, пожалуй, одним из аргументов в пользу авторской позиции оказывается методологическая коммуникативная открытость — готовность к такому теперь возможному и вероятному обсуждению.

*А. А. Костикова,
заведующая кафедрой философии языка
и коммуникации МГУ им. М. В. Ломоносова,
доцент кафедры истории зарубежной философии,
кавалер ордена l'Ordre des Palmes académiques,
кандидат философских наук*

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ АВТОРА

Уважаемый читатель, эта книга состоит из текстов, написанных в разное время. В процессе её подготовки стало понятно, что ряд положений, изложенных в начале книги, противоречит тому, о чём идёт речь в её конце. Это означает лишь то, что познание представляет собой процесс, который часто связан с изменением точки зрения, а предмет, которому посвящена эта книга, сверх того требует одновременного взгляда с самых разных позиций.

Данная книга — это подробное описание того, как её автор, считавший себя всегда материалистом и монистом, постепенно изменил свою точку зрения. И причиной для этого послужила работа над проблемой онтологического статуса сознания. Поэтому книга рассчитана прежде всего на тех читателей, кто сам находится в поиске позиции по данному вопросу.

Возможно, в процессе прочтения уважаемый читатель сможет посмотреть на проблему сознания под новым углом. Это было бы высшей наградой для автора. Но даже если этого не случится, то, по крайней мере, книга даст богатую пищу для размышлений всем тем, кому интересна тема ментальной каузальности, онтологии сознания и онтологии вообще.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

О том, что с нашим пониманием сознания что-то не так, я начал догадываться примерно с шестнадцати лет. Но тогда я думал, что слишком юн для таких вопросов, а люди постарше, конечно, уже точно знают, что к чему. Поэтому я проводил много времени за чтением, пытаюсь найти ответы на свои вопросы. В те годы мне было доступно не так много книг, но под рукой оказалось полное собрание сочинений Маркса, Энгельса и Ленина. Это обширная и очень качественная философская литература, бережно собранная моим дедом, известным в своё время военным юристом Ананием Нестеровичем Хачатуровым, и она подкупала своей понятностью. Эти книги как будто дышали гением откровения и легко объясняли самые удивительные секреты, раскрывая перед пытливым читателем особенности научного метода. И всё же ни в одном из многочисленных томов Маркса, Энгельса и Ленина я не нашёл ответов на свои вопросы о сознании.

Намного позже я понял, с чем это было связано. Проблема сознания не вписывалась в диалектический материализм по многим причинам, среди которых были и идеологические. Субъективные переживания личности плохо сочетались с картиной мира, в которой счастливые советские люди всегда и точно знают, что и зачем они делают. Знают, куда идут и в чём главная общая цель. Но всё-таки главная причина, как мне кажется, заключалась не в идеологии. Хотя это не сразу бросается в глаза, но даже сейчас, по прошествии двадцати пяти лет, я всё ещё нахожу прелесть в онтологии форм движения Энгельса. В той самой онтологии, в которой нет места психической форме движения, а именно сознанию.

Почему эта однобокая онтология всё ещё вызывает у меня отклик? Всё просто. Она выглядит значительно более научной и обоснованной, чем новые онтологии, например

Гартмана или Поппера (которые включают сознание), по одной важной причине. Онтология Энгельса даёт понятный ответ на вопрос — как и почему одна форма движения переходит в другую в процессе эволюции. Она не требует натяжек, домыслов или богатой фантазии: элементарные частицы объединяются в атомы, атомы в молекулы, молекулы в клетки и организмы, а организмы в социумы. Всё это происходит на уровне наблюдаемой нами материи. Проблема только в том, что сознание выглядит как что-то нематериальное, поэтому онтология Энгельса не отличает, скажем, муравья от человека по какому-то принципиальному качественному показателю.

В этой связи весьма любопытно читать и изучать философов сознания советского периода, среди которых особняком стоит личность такого человека, как Эвальд Ильенков. Этот добросовестный учёный одновременно свято верил и в марксизм, и в особый онтологический статус сознания. Его тексты, по моему мнению, переставляют вершину полёта человеческой мысли в попытке объединить эти две очень плохо объединяемые посылки. К сожалению, он не выдержал напряжения от столкновения этих идей и покончил с собой, войдя в историю науки как выдающийся марксист и выдающийся философ сознания. Его тексты входят в золотой фонд советской философии и, я уверен, будут вдохновлять учёных ещё очень много лет.

По мнению многих аналитиков, сегодня всё, что было «начиная с Гегеля и до Фреге», а значит, и марксизм, является недоразумением, о котором следует просто забыть и не вспоминать. Поэтому я начал подробно изучать аналитическую традицию, начиная с самого Фреге, Рассела и Витгенштейна. Но справедливости ради должен сказать, что я не нашёл ответа на свои вопросы и на противоположном полюсе философии. Витгенштейн поступил с проблемой сознания не так,

как это сделал Энгельс, но то, к чему он пришёл, оказалось очень похоже на вывод марксистов. У Витгенштейна субъект оказывается за скобками мира, и сознания здесь снова нет. Остаётся только текст, который пронизывает всё.

Онтология аналитиков начинается с логики и обсуждения её законов и продолжается текстом, языком, который заменяет для них материальный мир Энгельса. Известна знаменитая метафора Витгенштейна о «жуке в коробке», с помощью которой философ (вероятно) стремился показать, что коммуникация между субъектами имеет характер непосредственного взаимодействия посредством текста, в самом широком смысле слова. И если бы это было не так, то субъекты просто не смогли бы успешно коммуницировать, то есть рассказывать о своих «жуках в коробке» друг другу. А раз это так и если коммуникация непосредственна, то и сами границы субъекта растворяются в общем потоке текстов.

Для меня это было настолько ново и неожиданно, что прошло несколько лет, пока я осознал, как быть с этим подходом и как его классифицировать. Помощь пришла со стороны современного последователя этой традиции американца Дэниела Деннета, который в отличие от многих философов уделяет много внимания не только кабинетной работе, но и взаимодействию с учёными. Очень убедительно и красноречиво Деннет показал, что считать сознание нашей приятной иллюзией не так уж страшно. Более того, это вовсе не мешает изучать сознание или, по крайней мере, психику.

Благодаря ярким и красочным мысленным экспонентам Деннета мне стало лучше понятно, о чём писал Витгенштейн. И, как ни странно, я снова увидел здесь параллель с советскими учёными. То, что и те, и другие пытались исключить из онтологии, было не что иное, как приватность сознания. Всеми силами своей философской изобретательности эти две большие школы искали опровержение тому интуитивному

соображению каждого человека, что содержание сознания доступно только его обладателю и недоступно окружающим.

По Марксу (хотя он прямо об этом и не писал), у сознания нет никакого самостоятельного содержания, так как всё, что мы интуитивно считаем содержанием сознания, принадлежит другим формам движения материи — социальной или биологической. Человек, как известно, — социальное животное. Поэтому мы с лёгкостью понимаем, что у него в голове, «читаем его мысли», соотнося его поведение и социальные факторы. Нам вовсе не нужно заглядывать в его «приватное» сознание, в его интимный мыслительный процесс, чтобы там что-то прочитать. Там читать, в общем-то, нечего, так как помимо его биологических и социальных установок там нет ничего самостоятельного.

По Витгенштейну, этого «приватного» измерения человеческого сознания тоже нет. Так как всё, что есть, — это текст. Именно эта среда, в которой находится и живёт всё человеческое, создаёт возможность коммуникации. Почему? Потому что текст не имеет границы, он плавно перетекает от субъекта к субъекту, составляя содержание и самих субъектов, и коммуникации между ними.

Я считаю, что обе позиции крайне близки друг другу, хотя и находятся на полюсах философского дискурса. И роднит их прежде всего отсутствие исключений, предъявляемых к сознанию. В обеих школах онтология сознания является вполне естественной частью всеобщей онтологии мироздания, в том смысле, что она от неё ничем не отличается. Мы могли бы даже нарисовать это с помощью нескольких несложных линий, из чего станет сразу понятно, почему «исключительность» и «приватность» сознания вызывают такую неприязнь марксистов и многих последовательных аналитиков.

Если представить интуитивно, что мир, как горная порода или торт, состоит из эволюционных или онтологических

слоёв, то мы имеем плотно прилегающие и сообщающиеся друг с другом глубинный физический слой, за ним химический и биологический. Интуиция подсказывает, что дальше появляются «исключения», так как следующий за ним «психический» слой не является таким же целостным, как предыдущие. Он состоит из отдельных как бы островков или вишенок на биологическом слое, не связанных друг с другом, так как психика животного или человека «приватна». А следующие за ним слои, как бы мы их ни именовали, социальные или культурные, логистические, языковые и т.д., лежат сверху на этих разрозненных бугорках-вишенках. Причём эти более высокие слои также «свисают» с этих бугорков-вишенок по краям и касаются биологического слоя. Неэлегантно! Некрасиво! Необязательно!

Такая интуитивная модель, в которой имеет место приватность сознания, ставит неудобный вопрос — почему сознание составляет исключение и чем оно особенно. Почему все иные наблюдаемые нами эволюционные слои целостны и неприватны, а «психический уровень» состоит из каких-то непроницаемых сосудов — человеческих сознаний. И то, что для каждого человека очевидно, — его собственная психика приватна, — становится, пожалуй, сложнейшим вопросом для науки нашего времени.

Неудивительно, что и Маркс, и Витгенштейн по-коперникански поспешили убрать эти исключения, неудобные «вишенки сознания», из онтологического торта. Их картины мира целостны и не имеют никаких исключений вроде геоцентрической системы. Проблема, однако, от этого не исчезает, а только отдаляется. И мы видим, что вторая половина XX века и начало XXI века изобилуют всевозможными теориями сознания, которые пытаются вернуть «вишенки в торт», то есть сознание в общую онтологию. Но этот процесс, конечно же, невозможен в той одномерной плоской